

ПЕРЕМЕНЫ 勿

ПРОЕКТ PDF-ПОЭЗИЯ PEREMENY.RU.
Книга Четырнадцатая

НАТАЛЬЯ РУБАНОВА

=челопарк=

[балаганчик для шуньяты с оркестром]



Peremeny.Ru 2011

[статистика]

сто тридцать порций Cuba Libre в секунду:
в это же самое время кто-то из нас умирает от туберкулеза,
кто-то сходит с ума,
один наш ребенок слепнет,
а шестеро гибнет от голода –
приматололюбивые же спаммеры рассылают два с лишним
миллиона мессиджей,
создается очередной блог, из которого можно узнать о том,
что же на самом деле творится на шарике:

скажем, один процент землян пьян аккурат ежесекундно,
(в скобках: в ту же секунду
совершается также сорок самоубийств:
пока ты скользишь по строчкам,
из списка живых уже вычеркнули
десяток «натуралов», би, лесби, геев и транссексуалов), –
ну а новое преступление совершается раз в минуту,
за которую, кстати, шестерых успевает унести
«немодный» в нынешней медийной среде СПИД
(*вот раньше...*);

что же касается пекла Империи, то на один гектар
города-государства
приходится сто шестьдесят двуногих
при максимально допустимом в цивилизованных странах
уровне сто сорок... умолкаю:
по канату души твоей
пройти
мешает
статистика.

[колыбельная]

а-та а-та
а-та-та
я везу с собой кота
кот чеширский кот
во мне
кот йоркширский
на луне
кот мурчащий
кот баюн
кот летящий
гамаюн
кот французский
кот-ацтек
кот тулузский де лотрек
кот боярин
кот судья
а-та-а-та
вот и я
вот те книжка
вот те фильм
вот в кубышке
сердце-гриль
человечье
людоед
юный век
прелестный век
post Модерна в свой ЖэЖэ:
«выбираю в ПээМЖэ
междустранье
без транслита»
кошки
письма
шито-лито
кошки
двери
и париж
по которому паришь
по которому

дерзя
кошке – мышка –
ест ферзя
бутафорского во сне
а-та-а-та
миг в весне
мир – весной – перетесен!
тир мой пир –
упрямо весел
вёсла – в вису
вёсла – в круг
вёсла НА! росистый луг
вёсла в угли
вёсла – вплавь
вёсла в глотку
гниде-love
вёсла в уши
в вёсла – штык
Бога
чей невидим лик
а-та-а-та
а-та-та
я рожу себе кота
из фарфора и фольги
а-та-а-та
проходи
в дом где много-много лет
я бегу земных примет
в дом где сухо и тепло
в дом с кино и до-ми-НО!
колыблялька хоть куда
а-та-ба-та
ой да я...

[мелиоратор]

когда привычные понятия
меняют суть и смысл,
в тыл разнежничавшегося Эго
(privet, Vrag, kak ti?.. – v porjadke, nu ili pochti)
десантирует Деццкий Мелиоратор
(магнитуда восемь с половиной) и,
осушая, согласно инструкции, радужную мою ауру,
рассуждает, подражая Федерико, об инфляции
прилагательных –
пафос, понятное дело, смешит:
с некоторых пор я избегаю подобных подтем,
а потому переключаю регистр:
ввозные пошлины, увеличение транспортного налога,
благословенная Франция, etc.
«знаешь, – жонглирую трупками доверия, скорее, для вида:
лимит на синтетику и естественные опиаты исчерпан, –
а ведь войнушка-то впереди нас бежит! вообрази,
программы со стандартным хронометражем (скажем, сериалы)
смотрят давно с мобильных устройств...» –
«Да ну!» – шуруется Деццкий Мелиоратор и, продолжая
работку
(мне не больно, совсем в этот раз не больно),
спрашивает, что я думаю о гомофобии, изданиях за счет
средств автора
и такой штуке, как, например, сайты знакомств
(бедняжка кат, мечтающий взрастить на болотах и топях моих
ладненький урожай!..).
отвечаю: отстегиваю голову, ключицы, щиколотки и,
выдергивая из матки вордовский зонд,
теряю живую воду, и вдруг – ну не сказка ли! – замечаю –
кажется?.. – будто пою пятками что-то типа
«рай и ад – анекдот, папский анекдот в духе минимализма»
(помнишь, переводили словечко “пошлость”?),
а ты не можешь,
все еще не можешь поверить в то,
будто я
тоже
тоже хочу
марта

[расписание]

дергаю за ниточки куклу:
она, как и я,
обтянута кожей,
у нее натуральные: кости,
глаза, волосы, зубы, п р о ч е е.

baba доживает до человека,
говорит обезьяна в рясе, и уточняет:
если, конечно, процесс дрессуры
ее не забывает.
да ну, поднимает брови кукла,
лукавишь:
baba – просто твоя иллюзия...

а вот и нет,
морщится обезьяна в рясе,
а вот и нет, blja budu!..
ого, усмехается кукла;
да-с, вторю я
и вижу – словно б со стороны, –
как дергают меня
за серебристую нить,
ту самую...

я – ростовая кукла, кожа да кости!
у меня – трогайте, хаljava – натуральные:
кости, глаза, волосы, зубы, п р о ч е е...

доживаешь до человека?
любопытствует обезьяна в рясе
и, не дождавшись ответа,
укоризненно трясет головой:
странно, что ты до сих пор цела...
о н и после такой дрессуры
бы-ыстро ломаются...
признавайся, бесстыдница,
когда именно *ты* перестала бояться?

смеюсь одними зрачками:
мои губы пропитаны – силикон? –
виртнутым Луны поцелуем,
потому-то и вырастают у них ноги,
потому-то и идут губы мои на свободу...
когда же у них появляются крылья,
они тотчас устремляются к другим губам,
и даже строгое «Я» ничего, видите ли,
не может с этим поделаться...
ну не смешно ли?..

поцелуи
на марсе
по расписанию

[в сексе она любит]

...выключенный мобильный,
стеганные лоскутные одеяла вместо штор,
котурны у изголовья вместо з а п и с о к,
сачок для бабочек,
красные подошвы туфель Christian Louboutin,
Брют-Лоран-Перье, а значит –
пятьдесят пять лучших виноградников апеласьона;
повторять: «Мениль-сюр-Оже, Оже, Авиз, Кроман...»
или: «Шуйи, Амбоне, Бузи, Тур-сюр-Марн, Лувуа...»,
а еще: лёд, запах сандала, «девайсы» для взрослых:

в сексе

она

любит

[Вирджинии Вулф]

мои персонажи ходят по улицам,
едят снег,
пьют солнце,
летят под землей,
ползут по небу:
птицы?..
кроты?..
безделушки, забытые моей оболочкой на каминной полке
Орландо?..
мои персонажи пьют у метро – пиво,
водку – по клубам,
красное – у каминной полки Орландо
и, то и дело меняя пол,
мечтают о «модильяневских», «ренуаровских», «гогеновских»
–
и прочая – женщинах
(о, они все еще мечтают о женщинах...
смайл, скобку закрыть).
мои персонажи сдают белье в прачечную «Диана»,
не помня, когда дева-охотница поразила их – от скуки, la-la, –
ядовитой стрелой,
поэтому они – эти и те, не ведают, что мертвы:
редакторы, читающие мои тексты,
издатели, издающие мои книги,
рецензенты, пишущие «о прозе ЭНЭР» –
главном моем персонаже,
который, легко калькируя Анахаты,
кадрирует их и, разбивая объектив о мостовую,
артистично лжет –
да только и делает, что лжет,
лжет во спасение.

[spasibo]

розовощекое граффити радужных капель
в панцирной сетке памяти

пульс зевая пеленгует словечко «норма»

балтийский воздух
лечит от тополиного
из хлопка
из снега
из ваты приторной шитого (в шутку) тангерос

техника визуализации дешевет
если кнопки «del» не существует
можно легко придумать

пОМни
и тебя вылечат
пОМни
при артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна
на Невском на Невском

граффити сердца линияют
и вот оно уже как живое
совсем как живое
ну или почти

spasibo

[летка]

дозированная ЛЮ-ЛЮ,
приснившаяся моему доппельгангеру, –
ясно, клинический.
«а что – не он?» – умничает доппельгангер
да шлет мессиджи nathalie-la-nathalie,
делит метлу на ноль,
складывает Пандоре в гроб вещдоки,
вмятины да пробои ауры
особо ценными экспонатами называя.

«доппи-доппи, я тебя съем!» –
тявкает свалившаяся с Лилит Лиса,
повесившая намедни Колобка
в одном из лабиринтов пространства без вариантов.

«доппи-доппи», – ластится,
вцепляясь через секунду – ему? мне? – в горло:

...

так мы остаемся без двойников и,
счищая с зеркал амальгаму,
канаем
сквозь стекло
в Летку.

[molitva.translit]

«ты свеча-свеча-свеча,
унеси мою печаль
за дремучія леса,
за земныя пояса,
за далёкія моря,
за любовны якоря,
за горы высокія
в заводі глибокія:
пусть живёт там триста лет,
как русалка, пусть обет
даст назад не приходит,
не морочить, не томить,
не смущать ни волшебством,
ни уныньем, ни перстом,
волхованьем,
ворожбой,
кожей мятноі, солнцем, мглоі,
ни песком на берегу,
ни стогами на лугу,
ни собакой,
ни котом
ни тогда и ни потом» –

«ты свеча её, свеча,
ты сожги её печаль:
отведи от лютых бед,
страх лиши земных примет,
шоры со зрачковними:
не видать сто юг ні зги».

ex., pechal'–pechal'–pechal'...
ugorela uzh svecha!

[<No subject>]

у нас будет с тобой ритрит –
а захочешь, поговорим:
под мелодии рио-рит
выйдем в ретро за «третий рим»...

у нас будет смешной гамак –
или, может, фантомный вьюн.
я убью тебя просто так,
обнимает меня Баюн.

я же, теша себя игрой,
подползаю – кровит – к метле.
«полетели к Ягине?» – Кот.
«даже страшно: весь срок – к себе...»

и поэтому-то – ритрит,
потому-то – фантомный вьюн,
хвост русалочий в голове,
Деда Ёга да Кот Баюн.

[снежинками]

...ну вот, а потом я встретила своего персонажа –
сбежавшую из Страны Чудес Анфису:
звалась она Сашкой-ракетчицей,
потому как смыслила кое-что аккурат в ракетах
(тема диплома звучала почти эротично:
«Сверхмягкое терминальное управление движением
сложной динамической системы
в условиях неполной информации
о фазовом состоянии»),
светлые ее волосы, как и волосы Анфисы, пахли снежинками,
а в глазах бегали чертенята...
больше всего на свете ненавидели девочки скуку,
ну а любили – как им обеим
(им одной?) казалось, – Небезызвестного...
что оставалось мне, как не развести руками?..
что оставалось, как не стать точкой сингулярности и,
слившись со всеми временами и пространствами,
сменить треклятую кожу?..
(я ведь не чувствовала,
не чувствовала уже боли – ну или почти:
если долго бить по одному месту,
оно теряет чувствительность).
.....
и смеялась Анфиса,
и хохотала до упаду Ракетчица,
и улыбались актёры,
и де Лоурентис, грозя Почукаеву¹ пальцем,
напоминал, что де
«фильм – не сосиски, которые можно производить серийно»,
и наш продюсер кивал,
кивал, конечно
(попробовал бы он не кивнуть!),
а мы играли,
играли себя в кино –
лучшее
во Вселенной
кино, пахнущее снежинками...

¹ Существует вероятность выявления нескольких вариантов значения фамилии *Почукаев*, включающих в себя наиболее адекватные объяснения, зафиксированные в словарях и справочниках по различным диалектам ;-)

[ария Da caro]

всё путаю сентябрь с апрелем,
да будто некролог пишу
себе самой на ложе... еле
заметно плачу, но дышу:
взахлёб! внахлёст! *на память* – кожей...
как фильмографии их схожи,
как все лю.лю их хороши,
как за фонемами души –
живой –
не найдено! сказалось
«здесь и сейчас» (крохотка-шалость...),
и вот – каденция: попытка
в себя влюбиться – пытка, пытка!
блюду: «лю.лю себя, лю.лю»,
как попугайка... дура дурой,
кажусь шутам ферзём: фигурой
дьявольски
смешной
на шашечной доске
пустой.

[k Zer0]

на сердце «плюс один» – смешно! – под сердцем – plus odin...
в архиве Ле[т]ка спит давно, в архиве – господин
и раб себе, и червь, и чёрт, и Deus, и порог,
и лекарь-кат, предатель снов, лататель нимф-Zero...

под сердцем «плюс один»... не то! дика под солнцем грусть.
латентный стон, фантомный блюз – и кожа наизусть:
всё как по нотам – не дыши... всё жёстко, жёстко, Брут...
я ставлю тихо на Zero... я помню: темный пруд,

зрачки в зрачках, висок в виске да по-...
целуй –
листья...

несмелый ветер в голове, в которой тир без «ты»
не превратился в тлен иль в пыль, не обратился в грязь...
нежнейший космос – в той траве, что шила эту «связь»

без выкровок и без лекал, изображая рай.
играй, живи, ликуй, мерцай... таков иллюзий край.
там, в за-небеснутом огне, не догорев, пишу
по своему же экорше, да – вопреки – дышу

всему тому, что разможжить могло на «раз-и-два» –
«и-три»! *зачёт*, мой мир, *зачёт*, хоть кругом голова
от запаха палёных роз, от век, что на века
оставили Zero-листья и, упразднив слова,

развеяли над Гангой то, что пеплом стать должно:
благодарю, мой свет, за то, что кончилось кино –
сыграли знатно, от души,
прости-прощай же! – «ни дыши...»

...

время-времечко, смеясь,
впереди Времён бежало.
время-времечко! враньё.
механическое жало.
время-время, трын-трава:
ты да я – «одно»? «одна»?..

[этим летом]

миксолог слов?
фонем союзник?
наложница Его пера!
«в такую рань, да со двора...» –
ворчит мой персонаж устало,
а «я» – они? оно? он/а? –
шепчу вослед строке: «как мало!..
как безрассудно!..» – что ж... нага,
стою пред Ним, и нет ни кожи,
ни экорше,
ни головы...
мой врач! мой Deus! мне дороже
объятий вечности – цветы,
что так хрупки,
нежны,
беспечны,
что приживутся лишь в раю:
я не молю их о бессмертье,
а смерть придет – «заговорю»,
мой век, мой ток, двойник!
сонетом
мой сок
запеленгуешь
летом.

[ashram]

ашрамы под Бомбеем хороши,
шепнули, но не слышно ни души:
в *планетке суши* скальп свой засуши,
ну а шаманить – лучше в камыши,
чтоб летом кануть в Летку не пришлось,
чтоб Летке на лету всегда могло,сь,
а главное – хотелось... «якоря
магнитят занебесные моря» –
«такая рифма пошлая...» – «о, да!» –
«...что катится со щек одна вода:
бессолевой бесслёзнейший раствор –
в нем *Deus* Сам Себе и кат, и вор, –
стекает на смеющуюся грудь:
мне нравится размер – легко вздохнуть,
легко забыться и в кулак зажать,
да улыбнуться: «незачем рожать» –
как хорошо, что с л е в а не болит,
лишь камешек на шее чуть кровит
все эти сутки... полная чума,
когда в скворечне – шкурка лишь одна
своя – да кошки... верный человек!
вернее чёрной, видно, зверя нет,
а потому, *прелестное дитя*,
сегодня вновь забудемся, шутя:
ашрамы под Бомбеем хороши!
калькируешь ты камертон души,
шаманить убегаешь в камыши,
покуда спят людята-голыши –
(ты песен никогда им не пиши:
они для песен наших – малыши...).
«шампанского!.. имею здесь сказать,
что анахатку надобно связать
да вывезти – изжить, изъять, извести:
такая на сегодня бла-бла-весть».
ашрамы под Бомбеем хороши.
дышать ли? свет мой, зеркальце... туши...

[зебры]

ты понимаешь, о чём я,
ухмылку спрятав, молчу,
зачем спешу рано утром
на «тет-а-тет» к палачу,
к чему индийские юбки
да голограммные сны
в зрачках немой проститутки
с букетом вечным «Апсны»...

ты замечаешь, наверно,
что этот «свет» не в себе,
коль плоть от плоти «кошерна»,
коль плоть есть «фарш»... па-де-де
разметкой точной движений
приглушит лимфы язык,
чтоб погибающий «аффтар»
запрятал в gaster свой крик...

я обласкала сонеты,
я обыскала слова –
в мои гротескные ветры
летит твоя голова
(под шёпот-шорох смущенья
соединяю мосты):
мы – сумасшедшие зебры,
мы пеленгуем на «ты»...

[masala-чай]

на самокате – по нёбу. в кровь –
голый денёк. masala-чай.
привкус чудных – про «лю.лю» – строф
запах унёс: «вот питьё. кончай».

так пригублю виртуальный вкус
голографических нег в ночи:
«не погублю, – улыбнётся Ложь, –
столько коанов на -ить...» – «лечи!»

клетки грудные убоги. «грех»
плоти и плоти – в тыл жалюзи:
на самокате – по небу – Вошь
едет за Солнцем. соль визави

память сжирает (двойной стандарт) –
я становлюсь голограммой букв:
в смех отраженья уходит art,
в тень вечной Тени – аркан-Испуг...

«ну же: чапати, панир...» – «кирдык!» –
«ахтунг. молись без лажовых слов.
ню- же денёк... masala-каприз...
койка. карниз. опечатка "love"».

[здравствуй, дерево!]

он не понимает,
чему ЭТИ так радуются
(впору рыдать) –
вот и кричит,
кричит что есть силы –
кажется, лопнет вот-вот от боли:
«скорей, тушка, скорее т у ж ь с я!»

...

что за мерзкое улюлюканье,
шлепки, розы, ужимки?
да что за рожи, мать их,
его окружают?
почему, чёрт дери, он опять оказался
в чьём-то «здесь и сейчас»?
как, наперёд зная,
чем се успокоится,
мог не сдержаться – тогда-а,
в тот самый момент,
когда произошло спаривание
и он, бедненький,
в который раз залетел?!

ах-с, какой жутенький,
какой вкривь *недецкий фильмчик*
ему показывают!
киндерам до шестнадцати –
опс-топс-перевертопс!
кожа и кости грубеют,
голос ломается,
сердце, как пишут дамки,
«рвётся на части»,
ну а душа и того хуже –
прячется в пятках:
«тушка, роди обратно!»

...

ЭТИ ВСЕ охочи до мертвечины –
вот и пичкают, пичкают аццким ядом:
тошнит... он закрывает глаза,
но и с закрытыми *видит*: кишка-коридор,
дверь с табличкой директор,

ветхий журнал вахтёра
с карандашом на верёвочке-поводке...

он кричит,
не в силах остановиться:
он не хочет –
нет! да! не-ет!
он – ясно? – не станет:
а вы как хотели? –
«да, нет, не станет!» –
носить треклятую форму
и клясться в верности
славненькому ученью!

он лупит ножками,
он задыхается, отчётливо понимая,
что женщина,
которую и в прошлой любил,
уйдёт от него и в этой...
ему кажется – так и есть? – он сходит с ума:
горы бутылок,
мелочь, клозет, клетушка,
томик Тимоти Лири
на подоконнике.

...
выхода нет – табличка? НЕТ,
он всё понимает –
нужно снова учиться ходить,
а потом сразу – влюди,
всегда наживую,
потому как «завтра никогда не наступит»,
потому как – долги, кредит, я-ма,
ну и в кошмарике:
«в поте лица
оплачивать будете
чудо-юдо-счета свои!»,
а посему –
Борхес и Ницше,
трактаты и лезвия,
женщина в бе
да дом-сынчик-дерево:
«здравствуй, ну здравствуй, дерево!»

ЧЕЛОПАРК

балаганчик для шуньяты с оркестром

[0]

в челопарке – лето:
не зная, как поделить то на это
(на ноль – хоть, сказывают, нельзя, – всяко легче),
иду оживать на Васильевский.

острова глазом не охватить враз, чаек –
(«хорошо-то как, Машенька!» –
у барышни интеллект аж в стрингах) – навалом,
ну и филфак – в довесок – по левую:
так вот и не сходил... не страшно.

лю-лю ленинбург
всю жизнь да еще пяток:
пяти обычно и не хватает –
скоро, упс, поезд,
нечего жевать сопли:
«если вы держите слона за ногу
и он вырывается, отпустите его» –
в сети не больно-то одиночества,
сколь ликбеза.

[-1]

«сначала циклопы...
волновая структура позволяет им легко менять форму:
пятьдесят метров живой протоплазмы, а потому –
деление и почкование! деление и почкование!
потом призракообразные, чуть плотнее и ниже –
почкование и спорообразование! почкование и
спорообразование! –
не ведающие страстей гермафродиты;
следом – «усовершенствованные» лемурийцы –
двуликие, четверорукие эм-энд-жэ
да трехметровые атланты,
чье едва уловимое эхо таит учебник санскрита...» –

Машенька, наклоня головку,
зажимает губами топорик слов, и рубит:

«Уотсон доказал, что только два обстоятельства
определяют нашу сатисфакнутость прошлым,
ну или "счастливость" – удачная личная и, как он это
называет,
"завершенность трудового процесса"... хочешь перетереть и
это?» –

«одна девочка, – мотаю головой я, – как-то сказала:
"важно иметь возможность стоять на цыпочках
и ничего никому не объяснять"»:
чижик-пыжик, плесни...

[-2]

ок, даже если *она* не Машенька –
далее опускаем, – какая, в сущности, разница?
как теперь понимаешь,
отношения можно построить с любым приемлемым вариантом:
это, конечно, лишает их нежного флера,
и все же (отставить «увы» и «ах») ничего не попишешь.
раз ленинбург тает,
раз, слив в лавку-лю пол-юшки-то за бесценок,
ты ничего не понял,
есть смысл кое-что озвучить.

...

«ты ни тело, ни мысль, ни чувство» –
рефренит Машенька,
я же, загибая машинально пальцы, отмалчиваюсь:
ни лингвистика, ни семиотика с логикой,
ни культурология с философией
не дают ответа на Тот Самый вопрос
(вы, панночка, тоже,
тоже его задавали –
довольно отмахиваться репринтным изданием:
поднимите-ка лучше веки).

[-3]

все эти *предметы философского анализа* и

проблемы онтологического статуса языковых значений,
пресловутые бартовские па на тему, сорри,
рождения читателя и смерти автора
безостановочно напоминали о том, что люди,
а также все, кого обычно за них принимают,
суть обреченные существа;
потому-то и искал я сутру,
толкование которой разъяснило бы мне, наконец,
смысл пустоты занебеснутого нейтраля... но!
я не был *на самом деле* готов к умерщвлению того,
что все еще называют «эго» –
потому-то изначальная сущность и не могла «вылупиться»,
ощутив чистую свою бесконечность:
нет-нет, не ту, которую пытаются вымолить у рясоносцев
похотливые до индульгенций невежды,
предлагая посредникам – «во славу *****» – живую валюту
страха...

о, конечно, дутая моя «индивидуальность»
являлась, как и у большинства двуногих,
стандартным ассорти из ограничений,
стоящих на пути к, так скажем, реализации хай-класса:
впрочем, не крылся ли в основе Творения
какой-нибудь трансцендентный обман, я, как и вы, не знал...
мини-устройство же Машеньки, признаться,
интересовало меня ничуть не меньше мироустройства в целом:
с этого места поподробней, просит она, снимая вторую кожу:
надо же, никак не привыкну к подобным ню.

[-4]

– знаешь, говорит Машенька сразу после,
когда звонит халупосдатчица,
секунду-другую инстинктивно дергаешься, гадая,
набьет ли она цену или вежливо попросит убраться,
меж тем как сильное *эмоционирование*
(да, я тоже, тоже не терплю это словечко) –
вернейший признак животного состояния,
а значит, каждый поэт[ъ]... –
«мал и мерзок, да не так, как вы!» – шепчу машинально,
но Машенька отмахивается:
– двенадцать вихрей с зеленоватым свечением...

нет ничего красивее чакры сердечной!
нет никого милей чижика-пыжика!
никто мне не люб больше!

(хохочет.
рифмует *анку с фонтанкой*.
допивает.)

[-5]

постигнуть «скрытые пружины мироздания»:
не того ли хотелось Машеньке?
она, по-тихому сталкерившая,
почитывала, конечно, не только «Бхагават-Гиту» с
«Дхаммападой»:
более того, чтобы почитать «Бхагават-Гиту» с
«Дхаммападой»,
приходилось продаваться и таким вот образом
(фрагмент файла, сохраненного на рабочем ее столе, ниже):
«с 1972-го на U. Wirsbo
произведено 2.000.000.000 метров труб Ре-Ха:
этого достаточно, чтобы обогнуть земной шар пятьдесят раз»,
etc.:
Машенька, впрочем, не жаловалась и «слез горьких» не лила,
во всяком случае, при мне, – ну и, конечно,
словечко к а р м а, закрепившееся в ее лексиконе
(как и лю, уцененное, а потому не имеющее веса),
все чаще делило на ноль «святое» –
в том числе и подаренную книжонку:
образчик того самого продукта,
коим завален нынче каждый «душевный» бук-шоп.
в общем... смеялась Машенька, смеялась, а потом,
швырнув нетленку в угол, обхватила колени и начала
по-бабьи,
как начеркал бы какой-нибудь «подающий надежды»
новоязец,
раскачиваться...
а что бы сделали вы,
прочитав такие вот вирши, венчающие одну из главок?
«созидайте свою мысль, слово – глина для работы.
к синтезу, в котором жизнь, красота, любовь, свобода».

...
ага, подумал я,
глядя на тонкие ее щиколотки.

[-6]

когда я в очередной раз напился
(Машенька снова отказала,
мотивируя это тем, что де холостяцкое существование ей
всех милей
несмотря даже на издержки синтетического хозяйства
в виде чуждого флэта, ну и еще кой-чего:
о том не здесь и не сейчас),
во мне что-то надломилось,
а Машенька, представьте себе, возьми да услышь:
с этого места поподробней, улыбнулась она, как раньше,
но вторую кожу снимать не стала – так и застыла в обеих:
серебристо-розовой да дымчато-голубой...
и тут Остапа, что называется, понесло.

[-7]

«даже если допустить, будто атланты и напортачили,
из-за чего им прикрыли доступ к сверхзнанию,
то почему *мы* должны за них отдуваться? – я так и сказал:
за них. –
какого дьявола обрезать ДНК,
а потом требовать от метафизического кастрата
метафизического «приплода»?..
как трехмерное существо, годное лишь к размножению,
может «считывать» занебеснутые законы,
лежащие за пределами его восприятия?..
для чего верить-то Ему, Машенька, на СЛОВО?
почто молчишь?..
ок, ок: если представить, будто изначальное существо
являло собой с о в е р ш е н с т в о,
как могло оно «оступиться»?
и зачем – почему ты отворачиваешься? – скажи,
зачем нужно было
снимать мыльную оперу под названием «грехопадение»?..

и даже если «древо познания добра и зла» – аллегория,
что-то же, черт дери, с л у ч и л о с ь
с якобы идеальным созданием?
что-то же привело его к состоянию,
в котором пребывает оно сейчас?..

...
в какой-то момент Ты теряешь интерес
к созданной Тобой модели,
и потому позволяешь ч е р в ю послушание – завязка!
игра началась, ок, *бурные продолжительные...*
теперь Тебе «есть с чем работать»:
скучно же пустоту напролет лицезреть «райскую жизнь» –
драма из плоти с кровью куда занятней: «в поте лица бу...» –
матерьяльчик и впрямь недурен.

...
хорошо, Машенька, хорошо! возможно, Замысел и велик –
но пусть все же Он объяснит... да, пусть объяснит,
почему должно терпеть *всё это*
(ты, думаю, понимаешь, что подразумевается
подо «всем этим»),
да еще и «любить Отца Небеснаго», который –
не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять –
гиперэгоцентричен...
за что?.. за что мне любить Его, Машенька-а?..
да и к а к, коли, ежели *не..*, – тут же *по стенке?*..
Смита размазали, когда он п о в е р и л –
вот и нас, верно, шкурить до тех пор будут,
пока не смиримся».

[-8]

не помню, что я еще говорил –
помню только, что Машенька подошла ко мне и,
сняв сначала одну кожу, а затем другую, обняла:
наверное, это называется *моментом соскальзывания за грань*,
наверное...
казалось, будто я схожу с ума – во всяком случае,
я явственно с л ы ш а л, как тело Машеньки переливается в
мое тело,
будто вино в воду, а еще... не знаю, как и объяснить...

в общем, Машенькино-то в и н о, в отличие от моей в о д ы,
говорило –
и потому сердце мое – *сердце*, не мозг – *слышало*,
что материя в узкой полосе частот вовсе не твердая,
что ее, как и время с пространством,
нельзя считать чем-то фиксированным,
ну а смысл жизни (смейтесь-смейтесь) –
в познании непознаваемого».

inaugurare

[-9]

– американский стилёк:
так и вижу проповедника,
что мерит шагами пространство перед камерой!
говоря о Нем, «святой отец» обращается с вопросом
к зрителю:
за Него же и отвечает...
короткие предложения.
приподнятая интонация
(именно она и передает едва сформулированный контекст...).

– при чем здесь проповедник, когда
то, что говорил
две с половиной тысячи лет назад Мастер,
подтвердилось?..
количество мельчайших частиц света
вычислено с помощью линейного ускорителя и циклотрона:
ту самую крохотку энергии и имел в виду Будда,
говорящий о калапасае, говорящем о Будде...

...
какой же ты бедненький,
говорит и показывает Машенька биты,
зоны
и фракталы
хаоса.

[0]

в челопарке – лето:
не зная, как поделить то на это
(на ноль – хоть, сказывают, нельзя, – всяко легче),
иду оживать на Васильевский.

острова глазом не охватить враз, чаек –
(«хорошо-то как, Машенька!» –
у барышни интеллект аж в стрингах) – навалом,
ну и филфак – в довесок – по левую:
так вот и не сходил... не страшно.

лю-лю ленинбург
всю жизнь да еще пяток:
пяти обычно и не хватает –
скоро, упс, поезд,
нечего жевать сопли:
«если вы держите слона за ногу
и он вырывается, отпустите его» –
в сети не больно-то одиночества,
сколь ликбеза.
